Отвечает: Виктор Белоусов

Мир Вам, Лаура.
Тема "греха к смерти" и "греха не к смерти" не имеет единственного варианта толкования. Вот ответ, ранее опубликованный и посвященный фразе грех к смерти и грех не к смерти .
В дополнение к этому ответу, хочу процитировать статью Александра Копытюка:

"Неужели есть грехи не к смерти? Если они существуют, то значит ли это, что они менее опасны своих «смертельных» собратьев? Как здесь не возрадоваться ветхой природе человека – не всё к смерти! А ещё сильнее - хочется включить в этот «приятный список» любимые грехи, от которых так не хочется избавиться.

Оставим это заблуждение! Прекрасно был Иоанн осведомлён о смертельной инъекции любого греха, было ему известно и понимание его сослужителя Иакова, утверждающего, что «(«любой», согласно языка оригинала) сделанный грех ведёт к гибели (Иакова 1:15). Как же в этом случае разобраться с таким несогласованием?

С одной стороны каждый совершённый грех производит смерть, с другой – любой произведённый грех лишается смертельного жала после исповедания (1Ин.1:9). Вывод предельно прост: любой без исключения исповеданный грех не ведёт к смерти.

Однако при этом возникает естественный вопрос: как различить грех к смерти и не к смерти в момент его совершения? Складывается идентичная ситуация, бывшая и при крещении, совершаемом Иоанном. Легко бросается в глаза его, на первый взгляд, странное требование к фарисеям: «сотворите достойный плод покаяния» (Мф.3:7-9). «Подожди, учитель, мы ещё не покаялись, ведь плод появляется в конце» - можно было бы ему возразить. Для великого мужа Божьего было видимо то, что от других было сокрыто, ведь лишь «духовный судит обо всём» (1-е Коринфянам 2:15). Не просматривалось в их поведении сердца сокрушённого, они шли совершать «обряд», чтобы не отделяться от народа.

В нашем тексте автор употребляет слово «айтэсэй» (ask, request - просить, умолять), которое обычно не употребляется в значении молитвы к Богу (см. Мф.7:9). В Синодальном Переводе слово звучит как «молиться» в медиальном залоге, на языке

оригинала это передано активным залогом «пусть молит». Слово в 19-м столетии, когда был сделан упомянутый перевод, имело одно из значений «умолять другого человека» (например, о пощаде или помиловании).

Вырисовывается следующая картина: если увидел согрешающего боязливо или же неосознанно (то есть не закостенелого в данном грехе) – спеши умолить его оставить грех через раскаяние и Бог отменит действие смерти над упавшим.

Если же видишь грешащего к смерти, то есть смело, надменно, вызывающе, неоднократно, то не слоит умолять его, или как пишет апостол: «не о том говорю, чтобы молился». Для второго случая текст содержит уже другое слово «эротэсэ»/ (ask, urge, beg – просить, убеждать, умолять; вновь активный залог – не просит), однако, синонимичное по смыслу. И опять таки, обычно используемое во взаимоотношениях «человек-человек».

Так что же надлежит делать? Для апостольской церкви было нормой иметь дифференцированный подход к людям, данный принцип ясно и лаконично записал Иуда: «к одним будьте милостивы с рассмотрением, а других страхом спасайте...» (Иуд.1.22-23).

Не упрашивать «смертника» следует, а страхом спасать! В следующем стихе апостол подводит теоретический итог. «Всякая неправда есть грех». Греческий текст содержит слово «адикиа» (wrongdoing, evil, sin, injustice – неправильный поступок, зло, грех, несправедливость или неправедность). Речь не идёт лишь о лжи или неправде. В том же 19-м веке «неправда» не означало лишь ложь, обман. Итак, любая неправильность, неправедность является грехом. Но! Есть любой грех не к смерти. Греческий текст не содержит артикля перед словом «грех» в обоих случаях, что согласно грамматике языка Нового Завета даёт право утверждать о том, что речь идёт именно о любом грехе. Любой сделанный грех перестаёт нести в себе смертельную инъекцию в результате покаяния и исповедания!"

Божьих благословений,

Виктор